

СВЯТАЯ НОВОМУЧЕНИЦА
ТАТИАНА ГРИМБЛИТ

Житие в художественной обработке

Наталья Валерьевна Иртенина
Святая новомученица
Татиана Гримблит
Серия «Святые рядом с нами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21112475

Святая новомученица Татиана Гримблит: Символик; 2016

ISBN 978-5-906549-53-2

Аннотация

Документально-художественное повествование знакомит читателя с судьбой Татьяны Гримблит (1903–1937), подвижницы милосердия и святой новомученицы, избравшей в самые страшные годы нашей истории путь христианского служения людям – тем, кто, как и она сама, был неугоден советской власти. Помимо фактической канвы биографии в книге рисуется внутренняя жизнь подвижницы на основе её стихов, которые она писала с юности.

Содержание

Предисловие	5
«Детство улыбается миром и теплом...»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наталья Иртенина
Святая новомученица
Татiana Гримблит

*«Приму я в борьбе за Крест изгнание, и могилу,
и тюрьму»*

Предисловие

Все мы слышали о новомучениках. Знаем, что они прославлены в Русской Православной Церкви в лике святых.

Чаще всего наши сведения о них этим и ограничиваются.

Они жили на той же земле, что и мы. В том же Отечестве...

Они жили в одном поколении с нашими родными и близкими. Также переживали нужду и голод, трудились со всей страной, жили её тревогами и надеждами...

Это было совсем недавно, в двадцатом веке.

Они носили одинаковые с нашими имена и фамилии, и, как и все в то время, несли свой крест...

Они стали святыми в отличие от миллионов других, хотя ничем не выделялись внешне.

Стоит повнимательнее всмотреться в их жизнь, чтобы увидеть их святость. Тем более, что они сейчас молятся у престола Божия о спасении наших душ.

Максим Яковлев

Вишерский лагерь, Северный Урал, 1932 год

Обычный конец обычного дня. Жёлтые фонари, прохватывающий до костей мороз, столбы пара из печных труб. Вечерняя поверка. Возле женского барака выстроились в две шеренги двести с лишним подневольных душ в телогреях,

платках и тяжёлых ботах. Вся рота – «социально опасные элементы»: уголовницы и политические. Начальница роты, такая же заключённая, сиплым голосом выкрикивает фамилии. Вдоль строя спереди и сзади ходят две дневальные, приглядывают.

Татьяна стоит во втором ряду. Ноги после работы в строительной бригаде едва держат, руки висят, будто налитые свинцом. Скорее бы в барак, в душное тепло, на свои нары почти под потолком. Забыться сном, в котором будут приятные видения: яркие обрывки детства с ребячьими весёлыми играми, родной дом, дедушкина комната, гимназическая юность. Воспоминания, коими на краткий миг потешится сердце.

В уме рождаются новые строчки:

Тринадцатый год я дорогой иду,
Уж виден конец впереди...
Прими меня, Боже, на этом пути,
Последний этап предо мной...

Да, последний. Четвёртый арест, «исправительно-трудо-вой» лагерь. Повсюду в стране низко стелется ложь. Добро, милосердие забыты. В душах людских теперь не Образ, а безобразие. А ей всего-то двадцать девять лет. Почти половина из них пройдены по тюремной ниве, заполнены человеческим страданием, чужим и своим...

– Гримблит!

Её жёстко пихают в бок, дневальная добавляет злой тычок в спину – нечего зевать. Татьяна поспешно отзывается на фамилию. Нарядчица заглядывает в свои листки, равнодушно бросает:

– В санчасть.

Значит, по разрядке её отправляют завтра работать в лагерную больничку. Начальница роты идёт дальше по фамилиям, а Татьяна даже не сразу осознаёт, отчего вдруг затеплилось что-то в душе. Слава Богу!

Ты милостив, Боже, Своею рукой
Ведёшь одиноким путём...
На ниве тюремной тринадцатый год
Тебе добровольно служу...

– И ещё послужу, – беззвучно и упрямо шепчут губы.

Нет в её сердце червоточин жалости к самой себе. Сколько упреков от родных было тягостно пережито, сколько слёз в тоске пролилось, сколько зла за эти годы увидено. Но Ты, Господи, вновь позвал – и душа привычно встрепенулась, сердце обрело покой в своём страданье. Так и должно быть. Всё правильно. Ведь сама просила Его об этом. Тогда, в свои шестнадцать девичьих лет, всё уже решила. Уже тогда на её пути неведомо встали этот лагерь, и ссылка, и тюремные камеры, и бессмысленные допросы – но и сотни людей, для которых она стала светом надежды.

К концу поверки она уже не ощущала тяжёлой, одуряю-

щей лагерной усталости. Рота опасного элемента заполнила барак, развесила сушиться одежду и башмаки. Гомон, визгливые крики, грубый блатной смех, тихие, наособицу разговоры, кипятилок по кружкам. Заскрипели, зашатались под телами двухъярусные нары, сцепленные в длинные сплошные ряды.

Татьяна забралась на свой второй ярус, выковырнула из щели меж брёвен огрызок карандаша и свёрнутый кусок серой обёрточной бумаги. Отвернувшись к стене, в тусклом свете лампочки стала торопливо записывать строчки.

...Я сердце унять не могла:

Тебя призывала невинной душой

И рано свой путь избрала.

Шестнадцати лет я молила тогда:

«О Боже, меня избери,

Возьми мои силы, пока молода,

Крестом за Тебя подари.

Пока ещё чистое сердце моё

И мира не знает тревог,

Возьми, и устроишь в нём Царство Твоё...»

«Детство улыбается миром и теплом...»

В предрождественские дни 1903 года в семье томского акцизного служащего обрусевшего немца Николая Гримблита родилась дочь. Покрестил её с именем Татьяна родной дед, протоиерей Антонин Мисюров.

В Томске отца Антонина любили и уважали. Батюшка преподавал Закон Божий гимназистам, произносил после праздничных служб проникновенные проповеди, был добр, отзывчив, хотя и строг. В своей внучке он души не чаял.

Семья Гримблит (слева направо): Вера Антониновна (мать), Татьяна, Николай Иванович (отец), Георгий, Борис, София

В семье Гримблитов детей было четверо – два брата и две сестры. Татьяна выделялась среди них каким-то особым отношением к жизни: взор её часто затуманивался недетской печалью. Хоть и росла она такой же проказницей, любила шумную беготню, как прочие, но, набегавшись, вдруг становилась тихой, молчаливой. Уходила в себя и о чём-то одиноко размышляла.

Однажды отец Антонин зашёл в свою комнату, откуда минуту назад с весёлыми воплями выбежала компания малышей. Они резвились, играя в догонялки вокруг большого письменного стола, прыгали в чулках на диване, смеялись. Теперь тут была одна Таня. Она стояла в красном углу и, высоко подняв голову, пристально рассматривала икону Спасителя. Отец Антонин опустился рядом с внучкой и провёл пальцем по её щеке, стерев слезу.

– О чём ты плачешь, невинное дитя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.